

О ХАРАКТЕРЕ ПЛЮРАЛИЗМА ИССЛЕДОВАНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В РОССИИ

.....

В. С. Авдонин*

Процесс чрезвычайно быстрого и динамичного развития в последние десятилетия европейской интеграции, выразившейся в образовании и быстром расширении Европейского союза, привел к большим изменениям на европейском континенте. Как экономическое, так и политическое влияние этого образования в Европе, а также за ее пределами является очевидным фактом, что привлекает к его осмыслению большое внимание ученых и специалистов многих стран. Во всем мире непрерывно растет поток научной литературы, посвященной изучению Европейского союза в различных аспектах. Это неудивительно, так как и внутри интеграционного пространства, и во внешнем мире политическое влияние ЕС возрастает. Российская наука в этом плане не является исключением: объем публикаций о политике ЕС и его политическом развитии тоже возрастает, развивается исследовательская инфраструктура, активизируется научная коммуникация, научные разработки вводятся в преподавание [1, с. 149–152].

Вместе с тем изучение интеграционной политики ЕС сталкивается в России с рядом трудностей и проблем. Хотя общая, единая теория европейской интеграции вряд ли возможна, на Западе в ходе исследований европейской интеграции, которые ведутся там уже несколько десятилетий, сложился достаточно развитый теоретико-концептуальный и методологический контекст (так называемое пространство дискурсов), позволяющий вести изучение интеграционного процесса на научно-теоретическом уровне¹. В российских же исследованиях такого развитого научно-теоретического контекста осмысления европейской политической интеграции пока не сложилось. В какой-то мере

* Авдонин Владимир Сергеевич — кандидат философских наук, заведующий кафедрой политологии Рязанского государственного университета; старший научный сотрудник Центра европейской политики и права РГУ. Электронная почта: ws@avdonin.ryazan.ru.

¹ Об особенностях западного научно-теоретического дискурса по вопросам интеграции не раз писали отечественные исследователи, см., например [33; 40; 43].

он формируется, но качественного скачка еще не произошло. Эта ситуация отражает определенный (преимущественно эмпирико-описательный) этап в становлении научного направления исследований европейской интеграции в России, который рано или поздно будет преодолен. Тем не менее ситуация не выглядит вполне удовлетворительной, и ряд видных российских авторов отмечают это [10; 44; 45].

Изучение европейской интеграции и политики Европейского экономического сообщества в советский период было включено в научном плане преимущественно в сферу международных исследований, и многие особенности, проблемы и тенденции, характерные для этой сферы, были присущи и исследованиям европейской интеграционной политики. В постсоветский период это положение принципиально не изменилось. Исследования европейской интеграции в различных ее аспектах по-прежнему развивались в первую очередь как составная часть теперь уже российской науки международных отношений, а какое-либо обращение к этой тематике из-за пределов данной области было явлением достаточно редким. Поэтому и для сегодняшнего периода исследований процессы, происходящие в сфере российской науки международных отношений, имеют существенное значение. Внимание к изучению этих процессов в последнее время в отечественной литературе возрастает. В новейших публикациях на эту тему наиболее характерными процессами в сфере международного анализа в России названы плюрализация, вестернизация и изоляционизм [36]. А само состояние этой области знаний трактуется как переходное и не вполне определенное, отмеченное продолжающимися дебатами, конкуренцией различных подходов и направлений. В какой-то мере этот взгляд может быть распространен и на российские исследования европейской политической интеграции и политики ЕС. Но в этой области процессы плюрализации и вестернизации проявлялись со значительной спецификой.

«Мягкая» плюрализация: идеологический и методологический аспекты

Прежде всего отметим, что плюрализм политико-идеологических концепций на раннем постсоветском этапе проявлялся в сфере анализа политики Европейского союза не так ярко и однозначно, как в других областях международных исследований. Разумеется, он был вполне заметен, о чем говорят дискуссии тех лет о европейской политике России и о роли в ней взаимодействия с объединяющейся Европой [28].

Но все же оценки и подходы в отношении политического измерения ЕС не были столь полярными и однозначными, как, например, в оценках политики США или НАТО. Во многом это объяснялось тем, что в концепциях политических лагерей, споры которых доминировали в тот период, представления о политике объединенной Европы не были вполне ясными и определенными, что оказывало влияние и на уровень официальной политики России, которая тоже

колебалась и заметно позитивнее, например, относилась к активизации интеграционной политики ЕС, чем к планам расширения НАТО. В какой-то мере такое положение объяснялось и новизной самого процесса политической интеграции, который вступал в свой новый этап и был еще весьма аморфным, нечетким и не вполне предсказуемым. Хотя в литературе к этому времени и были представлены работы, содержащие научный анализ и теоретические обобщения интеграционной политики [3; 9 и др.], в условиях высокой политической динамики большую роль играли и идеологические проекции политиков и ситуативные анализы дипломатов.

По существу, каждая из политико-идеологических концепций, о которых мы упоминали, выстраивала свой образ Европейского союза и его политики, что отражалось не только в высказываниях и оценках политиков, но и в аналитических и исследовательских материалах, которые готовили специалисты.

На восприятие политики ЕС заметное влияние оказывали взгляды либералов-западников, подчеркивавшие в ней воплощение либеральных и рыночных ценностей. В политическом развитии ЕС и сближении с Россией они видели дополнительные стимулы российским либеральным реформам. Не менее позитивно относились к политике ЕС и представители социал-демократического дискурса. Они воспринимали ее как модель социального рыночного хозяйства, сильной социальной политики, реализацию принципов мирного сотрудничества между народами и т. д., близкими их доктрине. Кроме того, опыт ЕС означал для них еще и пример более гуманной и цивилизованной политики развития, чем опыт «шоковых» реформ российских либералов [4; 23].

Что касается представителей других идеологических дискурсов — государственников и неокommunistов, то они, конечно, были в отношении политики ЕС значительно более критичны. Но и они находили в политике ЕС свои резоны. Например, те же государственники видели в ЕС сообщество, где тон задают прежде всего крупные европейские государства, с которыми Россия стремилась тесно сотрудничать. Усиление сообщества ведет в первую очередь к усилению этих «европейских грандов», что в перспективе будет создавать противовес американской гегемонии и натоцентризму в сфере политики безопасности в Европе. Для России это открывало возможности более активной политической игры как великой державы [12; 31]. И даже для дискурса неокommunistов политика ЕС давала определенные позитивные аргументы. Например, образ объединяющейся Европы служил стимулом идеи восстановления СССР, выдвигаемой коммунистами, а примеры социальной политики в ЕС были призваны подчеркнуть «антинародный характер грабительских реформ» в России, которыми «командуют из Вашингтона».

Короче говоря, в пространстве разнородных политико-идеологических концепций относительно новой фазы интеграционной политики Евросоюза существовало некое, хотя и весьма небольшое поле консенсуса. В нем ЕС пред-

ставлялся либо дружественной, либо, по крайней мере, не угрожающей России величиной, создающей к тому же определенный противовес/альтернативу единому американскому лидерству/гегемонии, позволяя российской политике иметь большую свободу маневра (от линии на «мягкую» интеграцию в западное сообщество до линии на выстраивание самостоятельного центра силы). Это сдерживало в какой-то мере радикализм позиций и вносило определенные ограничения в поляризацию и плюрализацию подходов. На эту ситуацию влияла и атмосфера взаимоотношений с ЕС, которые в начале 1990-х гг. были относительно благоприятны. Европейский союз стремился уравновесить свою политику интегрирования стран Центральной и Восточной Европы Соглашением о партнерстве и сотрудничестве, подписанным с Россией, которое открывало широкие перспективы взаимодействия, осуществляя программы технической помощи России.

Еще один момент, относящийся к роли политико-идеологических концепций, состоял в том, что в целом они все же меньше влияли на область исследований политики ЕС, чем на другие области международных исследований, даже в этот ранний период, для которого была характерна повышенная идеологизация. Это объяснялось традициями изучения европейской интеграции в советский период, когда имела место определенная автономия эмпирического анализа от идеологической доктрины. Больше доверяя анализу конкретных фактов и данных, исследователи были склонны ограничиваться эмпирическими обобщениями, не прибегая без крайней нужды к идеологической доктрине. Этот иммунитет к политико-идеологической интерпретации фактического материала в какой-то мере сохранялся и в постсоветский период, что ограничивало влияние новых доктрин, тем более что новый этап интеграции доставлял новый богатый фактический материал, а расширение научных контактов специалистов с европейскими институтами открывало доступ к еще более обширным, ранее недоступным массивам фактических данных. Описание, первичная группировка и осмысление этого материала выдвигались на первый план. К тому же и новые тенденции в динамичной практике строительства политической сферы ЕС были противоречивы и неоднозначны, в них наблюдались разные тенденции. В отличие от политических оценок происходящих в ЕС изменений, которые формулировались в рамках названных политических дискурсов и были более или менее определены, в реальной исследовательской практике обнаруживалось много различных деталей, аспектов и проблем, указывавших на сложность и неоднозначность процессов. И это влияло на сдержанность выводов и оценок исследователей, стимулировало их фиксировать различные тенденции и сценарии политического развития сообщества [22; 29; 30].

Тем не менее потребность в теоретическом осмыслении все более обширных и разнообразных источников информации, которые поставляла европейская политическая интеграция, нарастала. Идеографические, описательные методы

с осторожными обобщениями не могли справиться с эффективным анализом все более сложного и разнообразного материала, а политико-идеологические дискурсы испытывали дефицит научной объективности и избыток идеологизма. К тому же кризис, а затем и распад парадигмы советского марксизма, освобождавшие поле российских международных исследований, привели к его плюрализации и появлению на нем новых теоретических парадигм.

Применительно к сфере исследований европейской интеграции и политики Европейского союза эта плюрализация тоже имела свою специфику. Во-первых, как уже было сказано, плюрализм теоретико-методологических подходов складывался в этих исследованиях еще в советский период и имел определенную традицию. В новых условиях просто стало более явным то, что имело место и ранее, поэтому особенно острой борьбы и столкновений по теоретико-методологическим вопросам в этой области исследований не наблюдалось. Во-вторых, ставшая более явной плюрализация в основном была сведена здесь к оппозиции неофункционалистской методологии, близкой к либеральной парадигме теорий международных отношений, и так называемого межправительственного подхода, больше связанного с теоретико-методологической парадигмой реализма.

Ориентация интеграционных исследований на неофункционализм (и, следовательно, либеральную парадигму) представляется достаточно естественной. Для представителей этого направления неофункционализм был долгое время основной школой исследования европейской интеграции, а сама она была важнейшим примером и важнейшим ресурсом, подкреплявшим его основные постулаты об изменяющейся природе международных отношений, о новых ценностях и новых приоритетах мирового политического процесса. Ведущие западные теоретики либерального направления неизменно обращались к процессам европейской интеграции в качестве свидетельств их теоретических выкладок [27; 46; 48; 49]. Для российских исследователей, ориентировавшихся на либеральную парадигму, европейская интеграция в принципе выполняла сходную роль. Она позволяла усилить теоретическую аргументацию и укрепить фактическую базу в пользу меняющейся природы международных отношений и противостоять наступлению реализма и изоляционизма, ратующих за традиционное видение мировых процессов, насыщенных расколами, конфликтами и борьбой за господство.

Европейская интеграция показывала тенденции к резкому росту международной взаимозависимости, а также к эрозии государственных суверенитетов, важные элементы которых добровольно передавались наднациональным институтам Европейского союза. Под их эгидой в международном взаимодействии активно участвовали частные компании, отдельные властные структуры, регионы, политические и общественные ассоциации и т. д., превращаясь, наряду с государствами, в новых негосударственных акторов международных про-

цессов. Члены интеграционного сообщества все больше руководствовались общими ценностями, приверженностью праву и интересами мирной кооперации, свободы, демократии, благосостояния, перед которыми национальные интересы, способные вызвать конфликты, отступали на второй план. В условиях интеграции росла цена разрыва и эгоистического поведения государств. Наконец, в качестве сообщества мира, демократии, экономического благосостояния и добровольной кооперации европейское интеграционное сообщество выступало центром притяжения для более широкого круга европейских государств, готовых разделять принципы и критерии европейской интеграции. Все это в значительной мере соответствовало основным идеям и представлениям либерального подхода, который получал основательное подкрепление в анализе европейского интеграционного процесса [22; 34].

Естественно, что ориентация на нефункционализм (и либеральную парадигму) стимулировала в исследованиях политики ЕС развитие анализа ее инновационных сегментов. В их тематике преобладало изучение становления и функционирования наднациональных политических институтов сообщества, их взаимодействия с национальными, субнациональными и международными политическими контекстами, становление многообразных аспектов политической идентичности ЕС, содержания различных направлений коммунитарной политики. Все это способствовало развитию методов изучения новых процессов, стимулировало интеграцию в российские исследования подходов и разработок западных ученых [11; 15; 39; 40].

Что касается ориентации на парадигму реализма, то она не оказывала столь активного влияния на расширение тематики исследований и применение новых подходов к анализу политики ЕС. В этих исследованиях политика ЕС рассматривалась в более традиционном контексте — главное внимание обращалось на становление идентичности ЕС в сфере внешней политики, безопасности и обороны. Изучались также институциональные и концептуальные основания названных аспектов политики ЕС, анализировались их процессуальные и содержательные моменты, однако они не рассматривались как нечто принципиально новое для европейской и международной политики. В этом анализе Европейский союз предстал в основном как политическая или даже военно-политическая группировка крупных европейских держав, которая может превратиться во влиятельного геополитического актора.

Исходя из логики реализма, процесс становления политической идентичности ЕС анализировали в контексте процессов и векторов, задаваемых политикой безопасности крупных держав и международных группировок. В этой связи главной задачей исследований представлялось определение роли и места ЕС в структуре («архитектуре») европейской и международной безопасности, которая мыслилась в логике реализма. Вместе с тем выводы при такой «традиционной» постановке вопросов оказывались достаточно противоречивы. С од-

ной стороны, на фоне сложившихся структур европейской безопасности становление идентичности ЕС в области внешней политики и политики безопасности выглядело процессом весьма ограниченным и скромным. По сравнению с политикой крупных держав и НАТО Евросоюз выглядел явным аутсайдером. С другой стороны, отмечались перспективы его усиления (через развитие ЗЕС как военно-политической составляющей ЕС), которые рассматривались как тенденции размывания натоцентризма в системе европейской безопасности [12; 14].

Некоторые исследователи отмечали, что такие оценки внешней политики ЕС приобрели распространение в российском научном дискурсе в 1990-е гг. и даже оказали влияние на выработку внешнеполитического курса, способствуя принятию ряда неверных решений. Указывалось, например, что преувеличивался антинатовский потенциал политики ЕС, а оценки ЕС и НАТО шли в противоположных направлениях [5].

Но в действительности трактовки политики ЕС в духе реализма не были в российских исследованиях доминирующими, а их выводы к тому же не были вполне определенными. Основной массив в них, как мы уже говорили, представляли работы ученых, ориентирующихся на близкий либеральной парадигме неофункционализм. Другое дело, что они, возможно, оказывали меньше влияния на практическую политику.

Все же в целом можно констатировать, что на раннем постсоветском этапе (1990-е гг.) развития российских исследований политики ЕС связь исследований с соответствующими политико-идеологическими дискурсами (либералы-западники и государственники) проявлялась сильнее. В основном это соответствовало и тому этапу развития российских международных исследований в целом, о котором мы уже упоминали, когда политико-идеологические курсы были теснее переплетены с теоретико-методологическими.

Из разновидностей либеральных подходов европейским исследованиям была ближе умеренная, представлявшая интеграционную политику как очень сложный и, безусловно, инновационный для международной политики процесс. Наблюдение за политической интеграцией в ЕС показывало, что она идет очень непросто, каждый новый раунд расширения и углубления интеграции требует огромных усилий, одновременно порождая все новые трудности и проблемы [10]. Интеграционный процесс будет усложняться, в сообществе усилится дифференциация, осложнится принятие решений. Тем не менее в целом этот тренд позитивен, поскольку будет приближать Россию к пространству европейской интеграции и интенсифицировать ее взаимодействие с сообществом.

Кроме того, либеральный подход, ориентированный на проблематику глобализации, стимулировал постановку вопросов о соотношении процессов глобализации и интеграции и анализ проблем, возникающих в условиях их взаимодействия [20]. И в этой области анализа тоже возникало немало трудностей,

показывающих, что вектор развития интеграционной политики в условиях глобализации неоднозначен и может иметь разные интерпретации. Все это при крайней сложности утверждения новых процессов способствовало сдержанности и умеренности в применении либерального подхода.

По существу, то же можно сказать и о применении в европейских исследованиях реалистической парадигмы. Как уже отмечалось, выводы из анализа политики ЕС как нового геополитического актора реализма были противоречивы. Они не могли объяснить неоднозначности этой политики, а ее перспективы были туманны, что тоже не способствовало утверждению в этом анализе ярко выраженных реалистических подходов, для которых характерна тенденция к использованию достаточно осторожного и умеренного реализма.

Таким образом, плюрализм в исследованиях политики Европейского союза и размежевание теоретико-методологических парадигм все же были не слишком резкими. Умеренность подходов способствовала их относительно мирному сосуществованию, а затем и постепенному сближению.

Цивилизационный подход и новые дискурсы

Одним из внешних условий такого сближения стало снижение остроты общественно-политической борьбы по вопросам внешней политики и постепенная политическая стабилизация. Противостояние политико-идеологических дискурсов несколько утихло. В этой сфере стали доминировать государственники, а влияние других заметно уменьшилось. В области международных исследований это вызвало подъем реализма. Но в европейских исследованиях ситуация имела свою специфику. Для наметившегося сближения парадигм там была найдена рамка цивилизационного подхода.

Цивилизационный подход заключался в формировании представления об объекте анализа (европейской цивилизации) как о некоей цивилизационной общности, объединенной совокупностью характерных черт, присущих самым разным процессам и явлениям: от культурных и религиозных до социально-политических и экономических. Важным моментом цивилизационного подхода был его исторический аспект — указание на общность исторического процесса формирования цивилизации. В международном плане цивилизационный подход исходил из представления о существовании различных цивилизаций (и ветвей этих цивилизаций), взаимодействующих друг с другом в современном мире. Европейскую интеграцию этот подход рассматривал как проявление и воплощение глубинных принципов и ценностей европейской цивилизации. Развиваясь в области экономики и политики, процесс интеграции цементируют и общие культурные ценности, и формы социальной организации. В этом плане его перспективы рассматривались оптимистично [18].

Цивилизационный подход позволял объединять в некую целостность изучение самых разнообразных аспектов интеграционного процесса, а также до-

статочно удачно сочетать разные теоретико-методологические ориентации. С одной стороны, он давал возможность активно развиваться либеральным подходам, которые, подчеркивая открытость европейской цивилизации, отмечали распространение в международных отношениях европейских постгосударственных и постнациональных принципов и ценностей, воплощенных в интеграционном процессе. С другой — оставлял достаточное место и для реалистических штудий, сопоставляющих и анализирующих рост и влияние объединенной Европы как цивилизационного и политического центра. И даже с изоляционистской парадигмой, представленной в российских международных исследованиях евразийством, цивилизационный подход позволял установить определенный содержательный диалог.

Культуроцентристские трактовки европейской интеграции имели место и раньше, еще до того, как цивилизационный подход вышел в интеграционных исследованиях на первый план [17; 37]. Они исходили из идей диалога культур, который являлся одним из аспектов политики нового мышления и концепции общего европейского дома периода перестройки, и были направлены в постсоветское время в основном на исследование культурной общности Европы, включая и Россию, способной предотвратить новые расколы и разграничительные линии в Европе. В этой трактовке они были близки к либеральной западной парадигме, понимающей общее культурное пространство как возможность учиться у Европы, в том числе воспринимать ценности ее политической либеральной и демократической культуры, необходимые для реформирования России. В таком виде культуралистские концепции интеграции были резко ограничены от изоляционистской парадигмы евразийства, противопоставлявшей европейской культуре особую евразийскую культуру России. Но в форме более смягченного цивилизационного подхода, допускавшего разграничения (ветви) внутри цивилизаций, стал возможен некий содержательный диалог с умеренным евразийством. Например, обсуждение моделей культурного сближения России с объединенной Европой (как ветвей одной цивилизации или как двух разных цивилизаций).

Цивилизационный подход к европейской интеграции послужил также концептуальной основой исследований, направленных на анализ различий европейской и американской цивилизационных моделей, по-разному проявляющихся не только в культуре, но и в экономике и политике, в том числе и в сфере международных отношений. При этом американский тип лидерства/гегемонии оценивался, как правило, негативно, а европейский, апробированный в интеграционной политике Евросоюза, как значительно более привлекательный и перспективный [24; 25]. Анализ цивилизационных моделей также часто содержал прогнозы дальнейшего расхождения Европы и США при сближении Европы с Россией либо идеи сближения триединого Запада на основе общнос-

ти европейской цивилизации с ее западной (США) и восточной (Россия) ветвями [13].

В конце 1990-х гг. цивилизационный подход стал выдвигаться в российских интеграционных исследованиях на первый план, претендуя на различные объединения подходов тематических областей анализа. Он воплотился в ряде комплексных исследований, которые даже заявлены были как междисциплинарные и продолжали традиции комплексного подхода к изучению европейской интеграции. В этом смысле плюрализм исследований политики ЕС, казалось, стал ограничиваться [16; 20].

Но отчетливого поворота к ограничению теоретико-методологического плюрализма все же не произошло. Дело в том, что цивилизационный подход сталкивался с рядом проблем, которые препятствовали его дальнейшему закреплению. Одна из них была связана с оборотной стороной его привлекательности, т. е. с его повышенной гибкостью и нестрогостью, претензией сочетать самые различные тематические области и подходы. Между тем исследования интеграции на Западе тяготели как раз к обратному — к более строгим теориям и подходам для различных предметных и тематических областей анализа (так называемые теории среднего уровня) и отказу от общих метатеоретических рамок². Именно с этим была связана междисциплинарность, означавшая привлечение в анализ методов и теорий разных дисциплин. В исследовании политики ЕС, например, все шире применялись методы и теории собственно политической науки, а не только подходы из сферы анализа международных отношений. В этом смысле цивилизационный подход своей направленностью на общую теорию определенным образом препятствовал вестернизации, т. е. освоению отечественными учеными теоретико-методологических подходов западной науки, отличавшихся противоположной тенденцией. Разумеется, и междисциплинарность, и освоение теорий среднего уровня развивались и в сфере российских интеграционных исследований, но медленнее и труднее, чем в некоторых других тематических областях, поэтому арсенал анализа интеграционной политики, уже выработанный в западной политической науке, у нас во многом еще не освоен.

Другая проблема цивилизационного подхода заключалась в том, что при всей своей аморфности и гибкости, объединяющей различные парадигмы, своей доминантой он имел либеральную методологическую парадигму умеренного толка. Именно она имела под его эгидой наибольшее распространение и влияние на сферу исследований, большинство из которых в той или иной мере ориентировались на нее. Поэтому тот своего рода методологический консенсус, который складывался вокруг цивилизационного подхода, имел преимущественно умеренно либеральный или умеренно западнический характер. В условиях подъема в сфере международных исследований методологии различных

² Обзор новейших западных разработок в области теории интеграции см. [47].

версий реализма и политико-идеологического дискурса государственников такая исследовательская доминанта не могла всех удовлетворить. Она казалась ряду исследователей недостаточной и слишком мягкой на фоне изменения мировой политики в направлении большей жесткости и конкурентности.

В силу этих обстоятельств влияние цивилизационного подхода в исследованиях европейской политики в 2000-е гг. было ограничено. С одной стороны, он подвергался давлению вестернизации в целом, т. е. проникновению в изучение различных западных концепций и подходов, которые все активнее осваивали российские ученые, с другой — давлению вновь актуализировавшихся неореалистических более жестких подходов, причем иногда и те, и другие могли совпадать.

В этом плане были характерны появившиеся в 2000-е гг. работы ряда исследователей преимущественно молодого поколения, посвященные анализу различных аспектов политики Евросоюза. В них, как правило, значительно активнее использовались концепции и наработки западных ученых по данной тематике [6; 26; 32; 33; 35; 42], особенно теория и методология анализа сетевого характера политики, сетевого характера управления в Евросоюзе и создания европейских политических сетей. Для этого направления заметно большую роль играют подходы и разработки, идущие из политической науки, где и разрабатывается в основном понятие «политические сети», и в меньшей мере из анализа международных отношений. Впрочем, выход политических сетей за национальные границы, что характерно для ЕС, делает это понятие эффективным и в международных исследованиях, воплощая тенденцию сближения дискурсов политической науки и международных отношений [38; 41].

Еще одно примечательное направление связано с идеями международной политической экономии, также первоначально получившими развитие в западной науке, а затем воспринятыми и отечественными исследователями. В нем также присутствует тенденция использования разработок политической науки, но главным является международный аспект анализа, в котором экономические подходы объединены с политическими. В отечественных исследованиях он разрабатывается также в форме геоэкономики, объясняющей формирование геоэкономических центров в мировой политике. В применении к ЕС этот подход направлен на осмысление его становления в качестве международного актора нового типа (гражданская держава), опирающегося на новые виды экономических и политических ресурсов. В данном подходе можно заметить отзвуки реалистической парадигмы, что делает его в определенном смысле конкурентом либеральных трактовок политики ЕС [2; 7; 8; 19; 35].

Таким образом, рассмотрение современной ситуации с теорией и методологией в российских исследованиях политики ЕС в целом показывает, что тенденция свертывания плюрализма подходов в них не реализовалась. Плюрализм сохранился, хотя и приобрел некоторые новые оттенки. В основном этому

способствовала вестернизация исследований, связанная с освоением отечественными учеными различных теорий и подходов западной политической науки. Этот процесс в данной предметной области был несколько замедлен ввиду специфики традиций советского периода, выразившихся в преобладании эмпирико-описательного рассмотрения материала при одновременной тяге к комплексной презентации результатов. В дальнейшем это выразилось в ослабленном и аморфном теоретизировании и тенденции теоретико-методологического консенсуса «мягкого» типа. С усилением вестернизации исследовательских дискурсов процесс плюрализации в них вновь активизировался, ограничивая и подрывая тенденцию к консенсусу.

К середине 2000-х гг. произошло новое оживление политических дискурсов по тематике политики ЕС, вызванное как крупными переменами в самом Евросоюзе (расширение, реформа институтов, принятие Конституции), так и дискуссиями о возможном новом формате отношений с Россией. Это оживление отразилось и на исследованиях. В них активизировалась презентация различных точек зрения как на текущие процессы, так и на перспективы. В самом общем виде направленность исследовательских подходов и оценок в данной предметной области, как и в российских европейских исследованиях в целом, можно условно представить в известных терминах «еврооптимистов» и «евроскептиков». Первые составляют заметное большинство, хотя среди них можно выделить различные группы. Прежде всего, это группы радикальных и умеренных оптимистов, которые соответственно по-разному оценивают остроту проблем, стоящих перед Евросоюзом. Одни воспринимают их как весьма серьезные, другие — как естественные и относительно легко преодолимые.

Кроме того, можно отметить группы идеалистов и прагматиков. Первые делают упор на новое качество объединенной Европы и методологически больше тяготеют к либеральной парадигме. Вторые, число которых растет, придерживаются осторожных позиций и больше склоняются к симбиозу традиционных и новых подходов, что ведет к сближению их взглядов в рамках умеренного либерализма и обновленного реализма.

Что касается «евроскептиков», или «европессимистов», то они не исключают провала или непреодолимых трудностей европейского проекта в обозримом будущем. Эта позиция среди европейских исследователей в России пока не является господствующей, но последние события в ЕС дают определенное подкрепление их аргументам, и они сохраняют свою нишу.

Таким образом, говоря о перспективах развития теоретических и методологических подходов в российских исследованиях политики ЕС, можно отметить следующее.

Во-первых, вестернизация этих подходов в смысле освоения и применения в исследованиях арсенала анализа, выработанного для международного и политического анализа в западной науке, будет продолжаться. Многие авто-

ры работают в этом направлении, растет число совместных научных проектов российских и европейских ученых, развивается научное сотрудничество и коммуникация.

Во-вторых, этот процесс, по всей видимости, не будет означать сворачивания плюрализма подходов. Анализ исследовательской практики показывает, что вестернизация не ведет к сокращению плюрализма, а, напротив, стимулирует его, ибо плюрализм подходов характерен для самой западной науки. Но будет ли российский плюрализм подходов в исследованиях европейской политики подобен западному? Скорее всего, нет. Слишком различны общественные и политические условия, традиции и формы развития науки, поэтому в самом содержании плюрализма будут заметные отличия. Можно отметить сложности, которые испытывало развитие методологии российского либерального подхода, на фоне методологической активизации реалистического и даже неомарксистского подходов. Поэтому плюрализм подходов, на наш взгляд, будет по-прежнему в основном представлен в формах умеренно-либерального и сдержанно-реалистического подходов.

В-третьих, наметившаяся в сфере международного анализа тенденция сближения с подходами сравнительной политологии будет развиваться и в области исследований политики ЕС, особенно в отношении внутренних аспектов его политики. Но господствующей эта тенденция в обозримом будущем все же не станет ввиду нерешенности еще многих проблем объединения методологии сравнительно-политического и международного анализа в отечественной науке. Поэтому тематика ЕС будет оставаться в основном в сфере международного анализа.

В-четвертых, оставаясь в основном в сфере международного анализа, исследование политики Европейского союза будет испытывать и повышенное влияние политико-идеологических дискурсов, характерных для этого анализа, влияние внешнеполитических интересов и политической атмосферы в отношениях России и ЕС.

Библиографический список

1. *Авдонин В.С.* Российские исследования Европейского Союза. Рязань: РГУ, 2006.
2. *Афонцев С.* Россия и «новый ЕС». Экономическое взаимодействие в политическом контексте // *Pro et Contra*. 2003. Т. 8. № 1.
3. *Барановский В.Г.* Политическая интеграция в Западной Европе. Некоторые вопросы теории и практики. М.: Международные отношения, 1983.
4. *Безопасность будущей Европы* / Отв. ред. С.А. Караганов. М.: Наука, 1993.
5. *Бордачев Т.* Terra incognita, или Европейская политика России // *Pro et Contra*. 2001. Т. 6. № 4.
6. *Бордачев Т.* В объятиях civilian power // *Pro et Contra*. 2003. Т. 8. № 1.
7. *Бордачев Т.В.* Кризис развития ЕС и Россия // *Современная Европа*. 2006. № 1.

8. *Бордачев Т., Романова Т.* Модель на вырост // Россия в глобальной политике. 2003. Т. 1. № 2.
9. *Борко Ю.* О некоторых аспектах изучения процессов западноевропейской интеграции // МЭиМО. 1988. № 2.
10. *Борко Ю.А.* От европейской идеи — к единой Европе. М.: Деловая литература, 2003.
11. *Бусыгина И.* Региональная политика Европейского союза и возможности использования ее опыта для России. М.: Ин-т Европы, 1995 (Серия «ДИЕ РАН»; № 17).
12. Геополитические перемены в Европе, политика Запада и альтернативы для России / Отв. ред. С.А. Караганов. М.: Ин-т Европы, 1996 (Серия «ДИЕ РАН»; № 19).
13. *Глухарев Л.И.* Политические компоненты развития Евросоюза // Современная Европа. 2003. № 2.
14. *Данилов Д.А., Спигелейре С. де.* От размежевания к сближению. Новые отношения России и Западной Европы в сфере безопасности. Париж: Изд. Ин-та по изучению проблем безопасности Западноевроп. союза, 1998.
15. Десятилетие сотрудничества (1988–1998): Европейский союз и Россия / Отв. ред. И.Е. Лешуков. СПб.: СПбГУ, 1999.
16. Европа: вчера, сегодня, завтра / Ин-т Европы РАН; Отв. ред. Н.П. Шмелев. М.: Экономика, 2002.
17. Европейская интеграция, большая гуманистическая Европа и культура / Под ред. Л.И. Глухарева. М.: Эдиториал УРСС, 1998.
18. Европейская цивилизация между двумя тысячелетиями // Европа: вчера, сегодня, завтра / Ин-т Европы РАН; Отв. ред. Н.П. Шмелев. М.: Экономика, 2002.
19. Европейский союз в Российской политике (Тематический номер журнала) // Pro et Contra. 2003. Т. 8. № 1.
20. Европейский союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития / Под ред. Ю.А. Борко, О.В. Буториной. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
21. *Журкин В.В.* Европейский союз: внешняя политика, безопасность, оборона. М.: Ин-т Европы, 1999 (Серия «ДИЕ РАН»; № 47).
22. Заглядывая в XXI век: Европейский союз и Содружество Независимых Государств. М.: Интердиалект+, 1998.
23. *Загорский А., Лукас М.* Россия перед европейским вызовом. М.: Международные отношения; Ин-т по исследованию проблем Восток–Запад, 1993.
24. *Иноземцев В.Л.* Слабость «силы» и сила «слабости» // Pro et Contra. 2003. Т. 8. № 1.
25. *Иноземцев В., Кузнецова Е.* Возвращение Европы. Штрихи к портрету Старого света в новом столетии. М.: Интердиалект+, 2002.
26. *Кавешников Н.Ю.* Институциональная реформа ЕС и Ниццкий договор: ответы или вопросы? М.: Ин-т Европы, 2002 (Серия «ДИЕ РАН»; № 87).
27. *Кеохейн Р.О.* Международные отношения: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. М.: Вече, 1999.
28. *Лазебникова О.В.* Запад и борьба в политических и научных кругах России по вопросам внешней политики в Европе (1991–1994 гг.). М.: Ин-т Европы, 1995 (Серия «ДИЕ РАН»; №16).

29. Маастрихтский договор: трудности ратификации, поиски решений и перспективы / Отв. ред. Ю.А. Борко. М.: Ин-т Европы, 1994 (Серия «ДИЕ РАН»; № 8).
30. Маастрихтский процесс: реакция на новые вызовы // МЭиМО. 1993. №9.
31. *Максимычев И.Ф.* Угрозы безопасности России, связанные с началом расширения НАТО (внешнеполитические аспекты). М.: Ин-т Европы, 1998 (Серия «ДИЕ РАН»; № 42).
32. *Морозов В.Е.* Введение в европейские исследования. СПб.: СПбГУ, 2002.
33. *Морозов В.* Осмысление интеграции в Европе // Международные процессы. 2005. №3.
34. Опыт европейских сообществ и возможности его использования Россией и Содружеством Независимых Государств: Матер. симпозиума / Отв. ред. Ю.А. Борко. М.: Ин-т Европы, 1993 (Серия «ДИЕ РАН»; № 2).
35. *Романова Т.А.* Становление Европейского союза как международного актора. СПб.: СПбГУ, 2003.
36. Российская наука международных отношений: новые направления / Под ред. А.П. Цыганкова и П.А. Цыганкова. М.: Per Se, 2005.
37. Россия и Европа: тенденции развития на пороге III тысячелетия. М.: ИНИОН РАН, 1995.
38. *Семенов И.С.* Группы интересов на Западе и в России. Концепции и практика. М.: ИМЭМО РАН, 2001.
39. Сорок лет Римским договорам: Европейская интеграция и Россия: Матер. Междунар. науч. конф., 6–7 июня 1997 г. / Отв. ред. И.Е. Лешуков. СПб.: Петрополис, 1998.
40. *Стрежнева М.В.* ЕС и СНГ: сравнительный анализ институтов. М.: МОНФ, 1999 (Серия «Научные доклады»; № 101).
41. *Стрежнева М.* Сетевой компонент в политическом устройстве Евросоюза // Международные процессы. 2005. № 3.
42. *Троицкий М.* Европейский союз в мировой политике // Международные процессы. 2004. № 2.
43. *Шеленкова Н.Б.* Европейская интеграция: политика и право. М.: НИМП, 2003.
44. *Шемятенков В.Г.* Европейская интеграция. М.: Междунар. отношения, 2003.
45. *Шмелев В.Н.* Страница шеф-редактора // Современная Европа. 2000. № 1.
46. *Delors J.* Le nouveau concept européen. P.: Odile Jacob, 1992.
47. *O'Neil M.* Eine Theorie der Integration? Plaedoyer fuer einen synkretischen Ansatz // Varwick J., Knelangen W. (Hrsg.). Neues Europa — alte EU? Fragen an den europaeischen Integrationsprozess. Opladen: Leske+Budrich, 2004.
48. *Varwick J., Knelangen W.* (Hrsg.). Neues Europa — alte EU? Fragen an den europaeischen Integrationsprozess. Opladen: Leske+Budrich, 2004.
49. *Wallace H., Wallace W.* (Ed.) Policy-Making in the European Union. Oxford: Oxford University Press, 1999.